

Черных Александр Викторович

ПОЛАБО-ПРИБАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА

В статье раскрывается значение "Истории балтийских славян", "Борьбы славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века" А. Ф. Гильфердинга, посвященных прошлому полабо-прибалтийских славян, во многом "выпавших" из поля зрения историков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 193-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.1(09)

В статье раскрывается значение «Истории балтийских славян», «Борьбы славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века» А. Ф. Гильфердинга, посвященных прошлому полабо-прибалтийских славян, во многом «выпавших» из поля зрения историков.

Ключевые слова и фразы: славяноведение; полабо-прибалтийские славяне; историография; концепция.

Александр Викторович Черных

Кафедра отечественной истории

Липецкий государственный педагогический университет

chernicha201986@mail.ru

ПОЛАБО-ПРИБАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА ©

В исторической науке традиционно выделяются исследования Александра Федоровича Гильфердинга (1831-1872), посвященные южным славянам («История сербов и болгар»). При этом, как правило, отмечается научная слабость сочинений по истории южнобалтийских славян («История балтийских славян», «Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века»), резко выделяются недочеты, а также «славянофильские издержки», что не совсем точно соответствует действительности [18, с. 485-486]. Актуальность данных трудов сохраняется в силу научной значимости многочисленных тезисов и предположений, выдвинутых А. Ф. Гильфердингом по важнейшим проблемам прошлого «германских» славян.

Долгое время в науке господствовало одностороннее понимание ряда проблем начальной истории полабо-прибалтийских славян. Это было продиктовано тем, что до первой трети XIX в. славянами занимались исключительно немецкие историки. Согласно их концепциям, на Южной Балтике при коренном германском населении очень поздно расселяются славянские дружины: самое раннее, в VI-VII вв. В течение VIII-IX вв. германские племена, приняв славянские названия, сохранили свою языческую религию и вынуждены были бороться за веру против единоплеменников [12, с. 15, примеч. 19]. Существенный прорыв в изучении проблем ранней истории «германских» славян произвело сочинение П. Й. Шафарика, считавшего, что обширная славянская колонизация междуречья Одера и Лабы совершилась в III-V вв. [29, с. 5-13, 88].

Несколько позднее А. Ф. Гильфердинг уже говорил об автохтонности славянского населения южного берега Балтики. Свои умозаключения историк подкреплял анализом сведений древних писателей о венедах-славянах. Согласно концепции ученого, германские дружины появляются в данном регионе в I в. до н.э., а уже во II-IV вв. произошел «полный исход» германцев из Южной Балтики [6, с. 7-21]. Вместе с тем, дореволюционные исследователи ограничились только общим повторением данных тезисов, говоря о расселении славян, проходившем в течение III-VI вв. [1, с. 4; 12, с. 20-21; 16, с. 11]. К сожалению, вышеназванные проблемы были вне сферы интересов и советских историков, за исключением Н. П. Грацианского, А. Д. Удальцова, А. Г. Кузьмина, говоривших о славянской колонизации области Лабы-Салы в VI в. [8, с. 3; 14, с. 36-37; 25, с. 10-11].

В немецкой науке до середины XX в. оставалось устойчивым мнение о приходе славян на территорию Восточной Германии в VIII-IX вв. Хотя еще в 1902 г. чешский славист Л. Нидерле констатировал, что славянские племена являлись автохтонами этой территории [7, с. 296-299; 17, с. 101-107]. Вместе с тем, благодаря последующему археологическому изучению раннеславянской культуры, хронологические рамки славянской колонизации изменились. Известный немецкий археолог Й. Херрманн утверждал, что побережье Балтики с конца VI в. было заселено постоянным славянским населением [26, с. 79]. Опираясь исключительно на письменные данные, А. Ф. Гильфердинг, разрушив один из мифов немецкой историографии, убедительно доказал, что славяне являлись коренным населением Южной Балтики. Конечно, ученому не удалось точно определить хронологические рамки славянского заселения, характер процесса, метрополию, что объясняется низкой информативностью источников и уровнем развития исторической науки в целом. Важно уточнить, что проблема остается до сих пор открытой, по причине сложности определения этнической принадлежности и границ распространения венедакских племен начала I тысячелетия н.э.

Спорным представляется вопрос о значении и происхождении племенных названий полабо-прибалтийских славянских союзов племен. В средневековых источниках встречается несколько различных вариантов их обозначений, например, велеты-вильцы-лютичи и ободриты-бодричи-ререги [4, с. 147; 5, с. 36-37, 56-59; 24, с. 50-51, 54]. Впервые на многозначность имени велеты указывал П. Й. Шафарик, подчеркивая, что первоначальное название было велеты («волоты, богатыри»), а вильцы («волки») и лютичи (от «отца семейства Люта») – более поздние варианты. Ученый также говорил о двойственности в имени ободриты-бодричи, произошедшего от племенного вождя Бодра (Ободра). Несколько позднее Ю. И. Венелин утверждал, что ободриты есть имя областное, происходящее от названия реки Одры. По мнению А. Ф. Гильфердинга, западные ветви «германских славян» именовались не по месту жительства, а по «племенному свойству, которым наиболее

дорожили»: храбрость и военная доблесть. Отсюда и особенности в названиях ряда славянских племен: бодричи – бодрые, raroги – соколы, велеты – храбрые, лютичи – лютые [3, с. 59-62; 6, с. 41-42; 29, с. 82-108].

Проблема значения племенных обозначений практически не рассматривались в историографии. Большинство исследователей ограничились констатацией многозначительности терминов ободриты и лютичи. При этом Херрманн неоднократно критиковал языковые варианты объяснений названий, считая, что имя вильцы-лютичи нельзя интерпретировать только в значении ярость, жестокость [8, с. 3; 12, с. 21; 17, с. 120; 20, с. 4; 30, S. 9-11]. Важно подчеркнуть, что, постоянная славяно-германская конфронтация должна была более резко отобразиться в мировоззрении славянского населения. Это напрямую проявлялось в осознании собственной этнополитической принадлежности и выражении наиболее ценимых качеств, например, храбрости.

Средневековые хронисты неоднократно отмечали, что южнобалтийские славяне нередко умещали в себе совершенно противоположные качества: с одной стороны, отчаянную храбрость и благородство, с другой, – беспощадную жестокость в войнах против христиан [4, с. 147, 163, 187; 5, с. 36, 38, 130; 13, с. 63, 68-69; 24, с. 9, 51-52, 166]. Во многом на основании этих данных, начиная с А. Ф. Гильфердинга, в отечественной науке разрабатывается проблема «национального характера» «германских» славян. Согласно Гильфердингу, под действием географической близости «природных врагов» датчан и немцев, «воинственные и храбрые» балтийские славяне становятся «свирепыми и лютыми». Однако вкуче с воинственностью они сумели сохранить «национальные черты», присущие славянскому племени: добродушие, гостеприимство и человеколюбие [6, с. 29-40; 12, с. 25, 30, 59]. В свою очередь, И. М. Соботский, игнорируя многие факты истории, утверждал, что славяне ничем не отличаются от германцев. По замечанию Л. Нидерле, древним славянам были свойственны все качества других североевропейских народов. Н. П. Грацианский вообще считал, что Гильфердинг «придумал» фантастическую теорию «неизменного национального славянского характера» [9, с. 129; 17, с. 460-461; 23, с. 60-75]. Стоит согласиться, что неблагоприятная внешняя обстановка наложила существенный отпечаток на образ жизни и самосознание славян Южной Балтики. Но также следует подчеркнуть, что архаичные черты быта, такие как гостеприимство, А. Ф. Гильфердинг ошибочно причислял только к славянскому «национальному характеру».

Безусловно, значителен вклад Гильфердинга в изучении общественного и религиозного быта южнобалтийских славян. Например, противоположные процессы эволюции центральной власти в племенных союзах лютичей и ободритов в IX-XII вв., выражавшиеся в ликвидации вильцинской княжеской власти и возвращении племенного быта, а также однозначном усилении бодрического князя, ученый связывал с неоднородным «немецким влиянием». Данная идея утвердилась в славистике [6, с. 71-82; 16, с. 53-55, 60-61; 22, с. 119-121; 26, с. 81-82, 95-97; 28, с. 83-86, 93-98]. Важным научным достижением А. Ф. Гильфердинга являлось определение специфики славянского территориально-политического разделения. По мнению историка, упоминаемые в хрониках «град» и «округ» были вариантами обозначения славянской жупы-волости [5, с. 58, 253; 6, с. 100-126; 24, с. 103]. К сожалению, вышеуказанный тезис не только не получил значительного развития [13, с. 119-120; 16, с. 32-37; 17, с. 341; 28, с. 34-35], но и подвергся критике. По мнению В. П. Грачева, вся жупная система А. Ф. Гильфердинга «была воссоздана» на основании «лишь единственного упоминания» термина «жупан» в источниках [10, с. 96-97]. С подобным замечанием нельзя согласиться: историческая реконструкция Гильфердинга опиралась на проработку нескольких источников и общих аналогий в структуре жупного управления других славянских народов.

Значительным вопросом, анализируемым А. Ф. Гильфердингом, было выделение причин, препятствующих созданию централизованного государства у полабо-прибалтийских славян. Ученый отмечал, что многовековое славяно-германское противостояние на начальном этапе не оказывало отрицательного воздействия на переход от родоплеменного строя к государству, а способствовало раннему развитию этого процесса. В дальнейшем немецкое влияние привело к «страшному бесплодию» в государственной жизни [6, с. 145-150]. Абсолютное большинство ученых указывали, что немецкий фактор оказывал только отрицательное воздействие на формирование славянской государственности. Лишь В. Д. Королук отмечал, что «немецкий натиск», до первой половины IX в. ускоривший «центростремительные тенденции» в обществах «германских» славян, уже со второй половины IX в. «тормозил государственное развитие». Также исследователь говорил, что бодрические племена уже к VIII в. сложились в территориальные объединения, опиравшиеся на систему укрепленных «городов», которые, по Й. Херрманну, «воздвигались» у восточных славян в X-XII вв. [11, с. 7-9; 26, с. 80].

В исторических хрониках неоднократно фиксировались факты распространения множества божеств у славян Южной Балтики и Полабья [5, с. 129-130, 235-237; 13, с. 48-49, 61, 64; 24, с. 102-103]. А. Ф. Гильфердинг впервые в отечественной науке предположил, что в славянской религии осуществлялся переход к единобожию. По его мнению, главному земному божеству – Святовиту – соответствовали Триглав, Сварожич, Белобог, имеющие следующие объединяющие признаки: многоглавость, общие почитания священного коня и станицы [6, с. 161-178]. Вместе с тем, большинство исследователей ограничились лишь осторожной констатацией общих признаков в почитании Святовита, Сварожича, Триглава [13, с. 123, 126; 15, с. 71-73, 128-129; 16, с. 74-75; 17, с. 315]. Только С. Былина утверждал, что «под разными именами богов выступало одно и то же божество, о чем свидетельствуют его атрибуты и компетенции» [2, с. 25]. Наличие устойчивых монотеистических тенденций при развитии политеизма «германских» славян можно объяснить социально-экономическими изменениями, в разной степени охватившими славянские племенные союзы.

Еще одной важнейшей особенностью религиозного развития полабо-прибалтийских славян, фиксируемой в источниках, являлось «особое положение и почитание» святилища Редегаста и храма Святовита [5, с. 37-38, 45-46, 236-237; 24, с. 103]. По мнению А. Ф. Гильфердинга, арконский храм Святовита являлся центром общего религиозного союза «германских» славян, при этом радигощский союз имел большее региональное значение для лютичей. В заключении историк подчеркивал, что оба центра существовали «совместно и процветали в продолжение многих столетий» (Ретра прекратила существование в 1125 г., Аркона – в 1168 г.) [6, с. 207-219]. К сожалению, данные построения не получили дальнейшего развития, т.к. исследователи ограничились лишь констатацией религиозного значения Арконы и Радигоща [1, с. 7-8; 15, с. 71].

Обращаясь к рассмотрению истории многовекового славяно-германского противостояния, А. Ф. Гильфердинг отделял славянскую политику каролингской и саксонской династий. Согласно его мнению, внешняя политика Каролингов не предполагала завоевания южнобалтийских славян, которых франкские императоры только использовали в своих целях, таких как, например, присоединение Саксонии. При этом историк однозначно считал, что Карл Великий и его потомки положили начало мощному движению романо-германского мира против славян. К сожалению, большинство исследователей, за исключением А. И. Павинского, не обратило должного внимания на данную проблематику. В свою очередь, В. К. Ронин указывал, что политика императора Карла «изучалась лишь с точки зрения создания предпосылок и условий для будущего “натиска на восток”» [1, с. 15; 6, с. 260-278; 8, с. 5-9; 19, с. 37]. Подобное утверждение недостаточно верно, т.к. ученый не увидел стратегические шаги (присоединение Нордальбингии, строительство военных областей-укреплений – марок), сделанные еще Карлом Великим и послужившие не только базой для дальнейшего германского продвижения, но и реальным руководством к действию для последующих правителей.

С начала правления королей саксонской династии Генриха I и Оттона I в Германии, по А. Ф. Гильфердингу, начался качественно новый этап во взаимоотношениях со славянами, которых они уже стремились полностью «поработить», а не политически подчинить. При этом историк принципиально разделял внешнюю политику Генриха Птицелова и его преемников, считая, что Оттон I и другие германские короли, пытаясь принудительным образом ввести христианство среди славян Южной Балтики, «отступили» от направления, выбранного Генрихом. Последующие исследователи поддерживали идею о наступлении совершенно иного периода в славяно-германских отношениях с Генриха I, не отмечая особой разницы в славянской политике Генриха Птицелова и Оттона Великого [1, с. 15; 6, с. 349, 354-376; 8, с. 9; 19, с. 66].

Александр Федорович Гильфердинг по праву является основателем изучения полабо-прибалтийских славян в отечественной науке. К сожалению, только часть его утверждений поддерживалась и разрабатывалась последующим поколением ученых, а многие оригинальные тезисы так и не нашли должного продолжения в историографии.

Список литературы

1. **Бречкевич М. В.** Полабские славяне. Казань, 1915. 18 с.
2. **Былина С.** В каких богов верили западные славяне на закате язычества? // Славянские народы: общность истории и культуры. М.: Индрик, 2000. 488 с.
3. **Венелин Ю. И.** Окружные жители балтийского поморья, то есть леты и славяне. М., 1846. 60 с.
4. **Видукинд Корвейский.** Деяния саксов. М.: Наука, 1975. 261 с.
5. **Гельмольд.** Славянская хроника. М.: Наука, 1963. 295 с.
6. **Гильфердинг А. Ф.** Собр. соч. СПб., 1874. Т. IV. 462 с.
7. **Горюнов Е. А.** Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе // Советская археология. 1970. № 4.
8. **Грацианский Н. П.** Полабские и поморские славяне и их борьба с немцами в средние века // Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943. 65 с.
9. **Грацианский Н. П.** Фашистская фальсификация истории немецкой агрессии за Эльбу // Ученые записки МГУ. 1945. Вып. 81.
10. **Грачев В. П.** К вопросу о жуках и жупанах // Вопросы истории славян. Воронеж, 1966. Вып. 2.
11. **Королюк В. Д.** К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-балтийских славян // Славяно-германские исследования. М.: Наука, 1964. 294 с.
12. **Котляревский А. А.** Древности юридического быта балтийских славян: опыт сравнительного изучения славянского права. Прага, 1874. Т. I. 178 с.
13. **Котляревский А. А.** Книга о древностях и истории поморских славян в XII веке. Сказание об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности. Прага, 1874. 160 с.
14. **Кузьмин А. Г.** «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10.
15. **Леже Л. П.** Славянская мифология. Воронеж, 1908. 106 с.
16. **Любавский М. К.** История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1918. 458 с.
17. **Нидерле Л.** Славянские древности. М.: Алетейя, 2000. 592 с.
18. **Очерки истории исторической науки в СССР.** М.: Наука, 1960. Т. II. 608 с.
19. **Павинский А. И.** Полабские славяне. СПб., 1871. 169 с.
20. **Первольф И. И.** Германизация балтийских славян. СПб., 1876. 255 с.
21. **Ронин В. К.** Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого: союз и вассалитет // Советское славяноведение. 1982. № 6.
22. **Ронин В. К., Флоря Б. Н.** Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальное государство и народности (южные и западные славяне VI-XII вв.). М.: Наука, 1991. 253 с.

23. Собестианский И. М. Учение о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Харьков, 1892. 336 с.
24. Титмар Мерзебургский. Хроника. М.: Русская панорама, 2005. 255 с.
25. Удальцов А. Д. Основные вопросы этногенеза славян // Советская этнография. 1947. № VI-VII.
26. Херрманн Й. Общество у германских и славянских племен и народностей между Рейном и Одером в VI-XI веках // Вопросы истории. 1987. № 9.
27. Хрестоматия по истории южных и западных славян: учебное пособие для вузов: в 3-х т. Минск: Изд-во «Университетское», 1987. Т. I. Эпоха феодализма. 272 с.
28. Черниловский З. М. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М.: ВЮЗИ, 1959. 128 с.
29. Шафарик П. Й. Славянские древности. М., 1848. Т. II. Кн. III. 361 с.
30. Herrmann J. Die Slawen in Deutschland. Berlin: Akademie Verlag, 1974. 289 S.

POLABIAN-BALTIC SLAVS IN A. F. HILFERDING'S CREATIVE WORKS

Aleksandr Viktorovich Chernykh
Department of Native History
Lipetsk State Pedagogical University
chernicha201986@mail.ru

The author reveals the importance of A. F. Hilferding's "Baltic Slavs History" and "Slavs Struggle with Germans at Baltic Pomorye in Middle Ages" devoted to the past of Polabian-Baltic Slavs which are to a large extent overlooked by historians.

Key words and phrases: Slavic studies; Polabian-Baltic Slavs; historiography; conception.

УДК 930:001.92; 930.001.8

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности революционной активности масс и сумм ассигнований на политический сыск в целом и агентуру в частности в период с 1907 г. по 1916 г. (с использованием математических методов).

Ключевые слова и фразы: охранное отделение; революционная активность; ассигнования на агентуру.

Марина Станиславовна Чудакова, к.и.н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
marichud@rambler.ru

РЕВОЛЮЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МАСС И АГЕНТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯРОСЛАВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ[©]

При изучении многих явлений и процессов приходится наблюдать за изменениями некоторых показателей, характеризующих изучаемые явления. Интересно, на наш взгляд, проследить взаимообусловленность и взаимозависимость трех факторов: числа стачек [2], количество их участников [3, с. 65-70] и суммы ассигнований на агентурные нужды, выделяемые органам политического сыска Ярославской губернии [1, д. 65, 68, 132, 206, 428].

Процесс изучения данного вопроса заключается в обобщении данных, наблюдаемых за более или менее продолжительный период, и в представлении соответствующих статистических закономерностей, выраженных в виде уравнения зависимости между изучаемыми показателями [4]. Обработка данных наблюдения, нацеленная на вскрытие различного рода конкретных закономерностей, является одним из этапов на пути осмысления информации. В данном случае обработка статистических данных предпринята для подтверждения двух гипотез, из которых вытекают две цели:

1. показать, что изучаемые показатели развиваются и изменяются во времени в сторону увеличения, возрастания (взаимосвязь между этими показателями и временем);

2. выявить определенные связи, характер этих связей между самими показателями. Поэтому приходится сравнивать пары переменных (например, x – число стачек, y – число стачечников).

Возникает вопрос: есть ли связь между этими переменными? Очень часто между парой переменных нет точной (функциональной) зависимости. Можно говорить лишь о «приближенной», так называемой, корреляционной зависимости. Самой простой зависимостью между двумя переменными является линейная: $y = a + b \times x$.

Но, прежде чем говорить, есть ли такая зависимость, и какова степень тесноты связи между переменными, вычисляется коэффициент корреляции. Он представляет собой эмпирическую (опытную) меру линейной зависимости между x и y .